

СТАТЬИ И СООБЩЕНИЯ

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

П. Безерра

К СООТНОШЕНИЮ «ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ» И «ДИАЛОГИЗМА»

Интертекстуальность – понятие, появившееся у нас на Западе вместе с известным предисловием Юлии Кристевой к книге М.М. Бахтина «Проблемы поэтики Достоевского». Толкуя на свой структуралистский манер бахтинскую теорию диалогизма, Кристева заменяет основополагающее и емкое бахтинское понятие «слова» своим узким понятием «текста», и таким образом бахтинские диалогические отношения превращаются в интертекстуальные, а сам диалогизм – в интертекстуальность. С тех пор интертекстуальность Кристевой заменила бахтинский диалогизм для многих непосвященных в бахтинскую мысль (и у нас в Бразилии, и во Франции, и в Испании, и в некоторых испаноязычных странах) или мало способных к аккуратному прочтению Бахтина. Дело дошло до того, что многие считают Бахтина изобретателем интертекстуальности, а Кристеву – его преемницей.

У Кристевой все исходит из понятия текста. Для нее это «мозаика цитации». Если понимать слово «цитата» как дословную выдержку из какого-либо текста, выходит, что при таком определении текст есть исключительно письменный, графический продукт творчества определенного лица и, как таковой, просто-напросто исключает другие, неписьменные

«тексты». Далее, «всякий текст есть продукт впитывания и трансформации какого-нибудь другого текста». В этом же духе, «поэтический язык – это диалог текстов, который дается в последовательности, построенной в отношении к другой последовательности, которая, со своей стороны, исходит из другого корпуса, так что вся последовательность двунаправлена: к акту реминисценции (обращение к другому письму) и к акту превращения этого письма»¹. Таким образом, для Кристевой поле языка (или языковой деятельности) на самом деле имеет три направления: к субъекту письма, к адресату и к внешним текстам (другим текстам в связи с текстом, взятым как предмет письма). Неизвестно только, кто кому отвечает.

Как видно, Кристева превращает бахтинский диалогизм в свою интертекстуальность, воображая, таким образом, что он определяет письмо одновременно как субъектность и коммуникативность. В связи с этим понятие о «персоне-субъекте письма» начинает стусевываться, чтобы оставить место другому, т.е. «персоне амбивалентности письма»².

Следом за Кристевой, Жерар Женетт³ предлагает свою транстекстуальность (*transtextualité*), разделяемую им на пять разных категорий: *интертекстуальность*, *архитекстуальность* (*architextualité*), *гипертекстуальность* (*hypertextualité*), *паратекстуальность* (*paratextualité*) и *метатекстуальность* (*metatextualité*). *Интертекстуальность* – самая развитая и общая из всех остальных категорий, включающая в себя наибольшее количество ссылок на речи культуры различного характера; она предусматривает слияние народной и ученой культур. *Архитекстуальность* возникает при аналогичности формы или содержания между разными текстами или дискурсами. *Гипертекстуальность* предполагает существование такого текста (гипотекст), по отношению к которому строится другой текст (гипертекст). *Паратекстуальность* понимается как сосуществование параллельных самому тексту элементов. Наконец, *метатекстуальность* объе-

диняет тексты, говорящие о других текстах, и предусматривает критическую трактовку как парадигму отношения к этим текстам.

Как ни странно, все это имело первоначальным толчком толкование Кристевой бахтинского диалогизма. Расширение понятий любой теории влечет за собой ее расщепление и последующее разрушение. Но бахтинская теория диалогизма становится с каждым днем все сильнее: она решает все эти вопросы, не претерпевая такого размывания.

Как бы Кристева ни старалась представить свою интертекстуальность в качестве естественного продолжения диалогизма Бахтина, как бы она ни пользовалась некоторыми бахтинскими терминами, разница между ними огромна и существенна. Бахтин, конечно, считает, что между текстами возникают диалогические отношения, но для него текст – это высказывание, а за каждым высказыванием стоит говорящий, то есть сознательный субъект слова, речи, дискурса. Тексты сами не могут вести диалоги, за ними, как показывает Бахтин, осуществляется контакт «личностей, а не вещей»⁴, наблюдается чередование говорящих субъектов, полноправных сознаний. Одним словом, за ними стоит человек, творец, чей диалог с другими творцами самого текста или других текстов является единственной гарантией диалогизма. К тому же, в диалогизме Бахтина не происходит никакого затушевывания субъекта, о котором говорит Кристева; наоборот, Бахтин всегда подчеркивает насущное присутствие субъекта, ибо его диалогизм – это диалог автономных сознаний. Он никогда не дает повода к таким модным построениям, как так называемая «смерть субъекта», «смерть автора», идущим от Р. Барта, Кристевой и подобных им теоретиков. В «теории» Кристевой не остается места полифонии, ибо она оперирует не голосами, а текстами.

¹ «Le langage poétique apparaît comme un dialogue de textes: toute séquence se fait par rapport à une autre provenant d'une autre corpus, de sorte que toute séquence est doublement

orientée: vers l'acte de la reminiscence (évoquant d'une écriture) et vers l'acte de la sommation (la transformation de cette écriture)». *Kristeva J.* Séméiotikè: recherches pour une sémalyse. Paris, 1978. P. 120–121.

² «Ainsi le dialogisme bakhtinien désigne l'écriture à la fois comme subjectivité et comme communicativité ou, por mieux dire, comme intertextualité; face à ce dialogisme, la notion de 'personne-sujet de l'écriture' commence à s'estomper pour céder la place à une autre, celle de 'ambivalence d'écriture». *Ibid.* P. 88.

³ См.: *Gennete G.* Palimpsestes. Paris, 1982. P. 8–12.

⁴ *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 364.